

УДК 129+82

DOI: 10.28995/2658-4158-2023-1-16-34

И.Г. Юнг-Штиллинг и А.Т. Болотов: рецепция идей немецкого мистика в неакадемической среде

Татьяна В. Артемьева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, tatart@mail.ru.*

Аннотация. Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг (1740–1817), немецкий мистик и теософ, приобрел в России начала XIX в. огромную популярность, о чем свидетельствуют многочисленные переводы его сочинений, реминисценции его воззрений в литературных текстах, а также упоминания о его книгах в мемуарах того времени. Одним из популяризаторов, почитателей и подражателей Юнга-Штиллинга был ученый, философ и писатель А.Т. Болотов (1738–1833), что отразилось как в его поэтических опытах, так и в сочинениях, написанных в форме платоновского диалога «Старик со внуком, или Разговоры у старого человека с молодым его внуком» (1822), «Предполагаемые наугад происшествия на том свете» (1823) и «О душах умерших людей» (1823). Пример Болотова дает возможность проанализировать рецепцию идей немецкого мистика и распространение их в неакадемической среде.

Ключевые слова: А.Т. Болотов, И.Г. Юнг-Штиллинг, Россия, бессмертие души, трансфер идей

Для цитирования: Артемьева Т.В. И.Г. Юнг-Штиллинг и А.Т. Болотов: рецепция идей немецкого мистика в неакадемической среде // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2023. № 1. С. 16–34. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-1-16-34

J.H. Jung-Stilling and A.T. Bolotov: Reception of the German mystic's ideas in the non-academic environment

Tatiana V. Artemyeva

Herzen University, Saint Petersburg, Russia, tatart@mail.ru

Abstract. German mystic and theosophist Johann Heinrich Jung-Stilling (1740–1817) gained immense popularity in Russia at the beginning of the 19th century. This fact is proven by numerous translations of his works and reminiscences of his ideas in literary texts and memoirs of the time. Scientist, philosopher, and writer A.T. Bolotov (1738–1833) was his great admirer, follower, and popularizer. The reception of Jung-Stilling is reflected both in Bolotov's poetic experiments and his works "The old man with his grandson, or Conversations of an old man with his young grandson" (1822), "Assumed events in the Afterlife" (1823) and "About the souls of dead people" (1823) written in the form of Platonic dialogues. Bolotov's example makes it possible to analyze the reception of the German mystic's ideas and their dissemination in the non-academic environment.

Keywords: A.T. Bolotov, J.H. Jung-Stilling, Russia, immortality of the soul, transfer of ideas

For citation: Artemyeva, T.V. (2023), "J.H. Jung-Stilling and A.T. Bolotov: Reception of the German mystic's ideas in non-academic environment", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 1, pp. 16–34, DOI: 10.28995/2658-4158-2023-1-16-34

Сочинения немецкого философа-пиетиста И.Г. Юнга-Штиллинга (1740–1817) были известны в России начала XIX в. достаточно хорошо. Он был автором ряда художественных и религиозно-мистических сочинений, популярных в Германии и других европейских странах. На русский язык были переведены такие его сочинения, как «Приключения по смерти»¹, «Угроз Световостоков»², «Тоска по отчизне»³, «Жизнь Генриха Штиллинга»⁴, «Краткая нравоучительные правила на каждый день

¹ *Юнг-Штиллинг И.Г.* Приключения по смерти: В 3 ч. СПб.: В тип. Ф. Дрехслера, 1805.

² *Юнг-Штиллинг И.Г.* Угроз Световостоков. Ч. 1–8. СПб.: В Императорской тип., 1806–1815.

³ *Юнг-Штиллинг И.Г.* Тоска по отчизне. Ч. 1–5. М.: В университетской тип., 1817–1818.

⁴ *Юнг-Штиллинг И.Г.* Жизнь Генриха Штиллинга: истинная повесть. СПб.: В тип. Императорского Воспитательного дома, 1816.

года для друзей христианства»⁵, «Победная повесть, или Торжество веры христианской»⁶.

Исследователи отмечали влияние Юнга-Штиллинга на В.А. Жуковского [Виницкий 1998], Ф.М. Достоевского [Гумерова 2018], Н.В. Гоголя [Чижевский 2002], П.Я. Чаадаева [Флоровский 2009], масонов, деятельность Российского библейского общества и Александра I, который встречался с мыслителем во время зарубежных поездок [Богданов 2015]. Юнг-Штилинг, в свою очередь, высоко ценил духовные заслуги российского императора, полагая, что, возможно, и сам он и его страна, которой он правит, призваны играть важную роль в духовном обновлении мира, о чем он писал в письме И.В. Лопухину [Виницкий 1998, с. 297–298].

Интерес к Юнгу-Штилингу проявлялся также в церковной среде. Михаил Вайскопф отмечает, что в церковных школах изучалась причудливая смесь различных философских теорий: «...наряду с неизбежным вольфианством, на расплывчатой гностико-неоплатонической основе, студенты одновременно осваивали Плотина, неогностика Баадера и Шеллинга... Но в тех же духовных академиях с тем же энтузиазмом штудировали Беме, Юнга-Штиллинга и натурфилософа Эккартсгаузена» [Вайскопф 1993, с. 45].

Г.В. Фроловский свидетельствует не только о пагубном его влиянии на мистически настроенных пастырей. Он приводит в пример архимандрита Фотия, ссылаясь на его автобиографию: «Перед нами экстатик и визионер, почти что вовсе потерявший чувство церковно-канонических реальностей, и тем более притязательный, совсем не смиренный. Это образ самозванного харизматика, очень сомнительного и навязчивого, всегда создающего вокруг себя атмосферу какого-то изолирующего возбуждения. Это типический образ прелести, страшный закоулок или тупик ложного аскетизма» [Флоровский 2009, с. 204]. Сам Фотий свидетельствует: «В академии было позволено читать вновь вышедшие сочинения, как то: Штиллинга, Эккартсгаузена и прочие романические и вольномысленные книги... Выходили споры о тысячелетнем царствовании на земле Христа, о вечности мучений и других вещах духовных; некоторые любили уклонение от Священного Писания, а другие таинственность везде находить. Святых отцов не давали читать из академической библиотеки, ибо никто совета не подавал и примера. Толковники на Священное Писание были

⁵ *Юнг-Штилинг И.Г.* Краткие нравоучительные правила на каждый день года для друзей христианства. СПб.: В тип. Ф. Дрехслера, [1806].

⁶ *Юнг-Штилинг И.Г.* Победная повесть, или Торжество веры христианской. СПб.: В Морской тип., 1815.

рекомендованы и выдаваемы немецкие и прочие иноверные, более ко вреду, нежели на все полезные» [Флоровский 2009, с. 205].

Важным каналом восприятия эзотерических и мистических идей в России было масонство. И действительно, именно через масонство происходил обычно трансфер подобных идей, и Юнг-Штиллинг здесь не исключение. Неслучайно переводчиком его работ и автором подробных теоретических предисловий был А.Ф. Лабзин (1766–1825), основатель ложи «Умиравший Сфинкс», работавший под псевдонимом «УМ» (ученик мудрости). Сам Юнг-Штиллинг к масонству относился настороженно, указывая на его близость к иллюминатам с их идеей мирового господства [Богданов 2015, с. 16–17]. Впрочем, это не единственный пример, когда рецепция идей российскими мыслителями переносила их в другую мировоззренческую и социально-политическую среду. Характерны попытки Лабзина пояснить и русифицировать, а также включить в масонский контекст образы мыслителя. Так, переводя сочинение Юнга-Штиллинга «*Der Graue Mann*», Лабзин пишет в предисловии о главном герое: «...автор одел его в серый сюртук, или, по-нашему сказать, в смурый кафтан и представляет его поседелым и, как выше сказано, страшным, а потому и называет его *Der Graue Mann*, таким словом, которое значит и серый цвет, и седину, и сурового человека, разумея под сим лицом Совесть, которой сия простота ненарядной одежды и опытность старых, но мужественных лет, и грозный вид, без сомнения, приличны»⁷. Лабзин опасался, что многообразии смыслов, понятных немецкому читателю, могут ускользнуть от российского: «Мы бы погрешили против смысла, если б также назвали сие лицо *Серокафтаником*, ибо сие слово не имело бы всех тех значений, какие приданы ему автором, а потому, держась более главного его качества, мы назвали его *Угрозом*, а по происхождению его или по роду фамилии его, – *Световостоковым*»⁸.

Пример, который я хотела бы рассмотреть, показывает иной путь рецепции идей, ибо А.Т. Болотов не был масоном, но не был и глух к обсуждавшимся в этом кругу проблемам. Он стремился к исследованию сложных философских вопросов, для выражения которых искал язык, не обремененный сложной академической терминологией. Свидетельством этому являются его книги «Детская философия» и «Путеводитель к истинному человеческому счастью»⁹. В 16 лет Болотов начал военную службу в Арханге-

⁷ Юнг-Штиллинг И.Г. Угроз Световостоков. Ч. 1. С. I–II.

⁸ Там же. С. III–IV.

⁹ Болотов А.Т. Детская философия / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т.В. Артемьевой, М.И. Микешина. СПб.: ИД «Петрополис», 2012.

логородском полку и участвовал в Семилетней войне (1756–1763). В 1758 г. он был назначен письмоводителем, а затем переводчиком при канцелярии генерал-губернатора Пруссии Н.А. Корфа в Кенигсберге, где он пробыл до 1761 г. Для него, как и для многих других участников военных действий, война являлась единственным способом непосредственного соприкосновения с иной культурой и освоением ее. Болотов получил возможность провести несколько лет в университетском городе и посещать лекции профессоров знаменитой «Альбертины».

Армейская служба стала для Болотова своеобразным *Grand Tour* – образовательным путешествием в Европу. Учитывая его происхождение из небогатого дворянского семейства, можно предположить, что другой возможности такого рода у него не было бы. Чем же занимается молодой офицер в городе, завоеванном великой империей? Все прочитанное и услышанное Болотов заносит в записную книжку. В рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранится ее чистовой автограф под названием «Памятная книжка, или собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях, записанных Андреем Болотовым»¹⁰. Записи носят систематический характер и представляют форму творческого конспекта, где изложение прочитанных книг перемежается с собственными мыслями автора. В конце приводится «Реестр, вещам, находящимся всей книге», где по алфавиту приводится список разделов. К этому же времени относится рукописный сборник «Различные нравоучительные сочинения, переведены из разных книг»¹¹, в котором Болотов пишет о благополучии человеческого, о познании Творца, о том, действительно ли мир является наилучшим из возможных, о бессмертии души, а также о том, не является ли для человека непостижимость «предбудущих вещей» благом, а также о счастье, нетерпеливости и о смерти. Таким образом, уже в ранней юности Болотов сформулировал программу своих философских исследований.

Первоначально его увлекает вольфианство, с которым он знакомится по сочинениям И.Г. Готшеда. Учение Христиана Вольфа давало четкую и ясную схему устройства мира и ясные эпистемологические ориентации. Христиан Вольф был популярен в России [Христиан Вольф и русское вольфианство 1998; Христиан Вольф

¹⁰ Болотов А.Т. Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно, себе для памяти при разных случаях, записанных Андреем Болотовым. Кенигсберг, 1761 (РО РНБ. Ф. 89: Болотовы. Ед. хр. 5. 204 л.).

¹¹ Болотов А.Т. Различные нравоучительные сочинения, переведены из разных книг. Кенигсберг, 1763 (РО РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 58. 136 л.).

и философия в России 2001], особенно в академической среде. Однако в его учении было два подводных камня, неприемлемых для Болотова, как, кстати, и для других российских мыслителей. Это учение о предустановленной гармонии как способе объяснения соединения души с телом, а следовательно, полный и последовательный детерминизм, и рационалистическое учение о Боге. Поэтому философия Вольфа казалась Болотову опасной: «...когда скоро из последователей оной кто-нибудь похочет далее простираť свои мысли и углубляться более в существо вещей всех, то всего и скорее может сбиться с правой тропы и заблудиться до того, что сделается наконец деистом, вольнодумцем и самим даже безбожником»¹². И хотя он сам отмечал, что именно вольфианская философия сформировала его интеллект и сделала способным «к чтению и пониманию книг, содержащих в себе и самые важные и высокие материи»¹³, но она не смогла уберечь от опасных рассуждений, которые, по мнению Болотова, стали прямой угрозой твердым основаниям его веры. Мировоззренческий кризис Болотов переживал очень тяжело, чрезмерная рационализация познания для него граничила с неверием и устранением из сферы эпистемологических абсолютов Бога как их гаранта и творца. Именно поэтому Болотов отвергает рационализм Вольфа и Канта, с которым он также встречался в Кенигсбергской Альбертине, и с увлечением изучает философию Х.А. Крузия под руководством пиетиста Д. Веймана, его последователя. Моральная проповедь Крузия спасла Болотова, как он сам считал, от рационалистических сомнений, и он всю жизнь высоко ценил пиетистский дух его критики холодных вольфовских рассуждений.

Интересно, что Юнг-Штиллинг также находился некоторое время под влиянием идей Вольфа и также испытал глубокий кризис неверия, попав «в тягостный плен детерминизма» [Гаврюшин 2010, с. 93], от которого он спасался молитвами и изучением философии И. Канта. Следует отметить, что Юнг-Штиллинг обратился к Канту гораздо позже, чем Болотов, когда великий мыслитель уже создал свою «Критику чистого разума», утвердившую его в представлениях о природе сверхчувственных истин, которые, по его мнению, следует искать в Библии и божественном Откровении [Гаврюшин 2010, с. 94]. Юнг-Штиллинг вычитал из Канта то, чему хотел найти подтверждения, и отверг то, что не совпадало с его точкой зрения. Он согласился с тем, что человеческий разум не рабо-

¹² Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1793. СПб.: Печ. В.И. Головина, 1870–1873. Т. 2. Стлб. 984.

¹³ Там же. Т. 2. Стлб. 59.

тает за пределами чувственного мира, но не был согласен с тем, что источник сверхчувственных истин заключается в моральном принципе. Поэтому он остановился на «Критике чистого разума», найдя кантовские «Критику практического разума» и «Религию в пределах только разума» не соответствующими своим представлениям о божественном происхождении морали. Он писал в автобиографии, называя себя в третьем лице:

Штиллинг от Лейбниц-Вольфианской философии был в узах *предопределенности*, более 20 лет он боролся с сим врагом и молился о том, но не мог победить его... Он прочитал Кантову *Критику чистого разума* и скоро ее понял, и борьба его с предопределенностью кончилась. Кант неопровержимым образом доказал тут, что разум человеческий за пределами чувственного мира ничего не знает¹⁴.

В небольшом сочинении «О цели и порядке всех познаний человеческих» Болотов делит все виды познания на несколько родов и видов: «Один класс состоит из таких предметов, которые собственно до человека принадлежат. Другой – из таких, которые до всего мира касаются, а третий, наконец, – из предметов, кои до Бога, яко производителя мира и человека принадлежат»¹⁵, соответственно, можно выделить такие виды познания, как «познание самого себя», «познание мира» и «познание Бога»¹⁶. Когда Болотов познакомился с сочинениями Юнга-Штиллинга, они оказались созвучными его собственной духовной эволюции. Если в своих философских сочинениях 1770 г. – «Детской философии» и «Путеводителю к истинному человеческому счастью»¹⁷ – Болотов пишет о познании мира, познании Бога и понимании душевных порывов, мыслей и желаний человека, то в более поздних работах, относящихся к 1810–1820 гг., он пытается разгадать тайну смерти. В этой точке и произошло его пересечение с Юнгом-Штиллингом. Однако тут же и началось их расхождение. Юнг-Штиллинг чувствует себя духовидцем, прозревающим истины, скрытые от простого человека, ему чудесным образом открылись тайны жизни

¹⁴ Юнг-Штиллинг И.Г. Жизнь Генриха Штиллинга. С. 191–192.

¹⁵ Болотов А.Т. О цели и порядке всех познаний человеческих: Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных сатирических, натурологических и других отчасти важных, отчасти забавных сочинений, писанных в праздные часы для пользы и удовольствия себе и другим людям одним Россиянином, сочинившим некогда Детскую философию и разные другия книги. 1791, 152 л. (РО РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 64. Л. 55).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Болотов А.Т. Детская философия.

и смерти, он пользуется доверием и признанием самого «Угроза Световостокова» – мифологического персонажа, посланника Бога, представляющего собой воплощение христианской совести, сделавшего Юнга-Штиллинга своим confidentem и проповедовавшего от его имени. Болотов бесконечно далек от подобных претензий. Говоря о смерти и потусторонней жизни, он только предполагает и не утверждает ничего наверняка. Юнг-Штиллинг скорее подсказывает ему направление размышлений, нежели открывает тайну.

Вероятно, Юнг-Штиллинг привлекал Болотова своим «мистическим реализмом», для российского мыслителя важнее было не эзотерическое прозрение Юнга-Штиллинга, а язык бытового описания сверхъестественных сущностей. Болотов справедливо полагал, что мир создан Господом не только для избранных духовидцев, но для простых людей, которые восторгаются его сложностью и красотой, стараются избежать греха и следовать божественным заповедям, не могут совладать со своими страстями и боятся смерти. Он видел в Юнге-Штиллинге автора, которому удалось создать систему понятных образов и метафор, хотя он не соглашался с тем, что немецкому проповеднику удалось проникнуть за пределы чувственного опыта и обрести достоверные знания в мистическом откровении. Болотов обращается к описанию сверхразумных сущностей чрезвычайно осторожно. Он замечает, «что мы об оном с точной достоверностью ничего не знаем, а можем судить о том только гадательно, оснуясь на некоторых иллюзорных предположениях»¹⁸. Несмотря на это, предположения Болотова достаточно смелы. Он уверен, что душа сохраняет «фигуру, образ и вид того умершего человека, из тела которого она вышла»¹⁹. Болотов основывает это на другом «гадательном предположении», что материальные константы уже заложены в человека в момент его творения Богом:

...Души наши при создании своем и при зарождении человека обличены были в некое особое и небезызвестное нам наитончайшего устройства духовного и до непостижимой мализны сжатого тела, имевшаго уже тот образ и вид, какой должен иметь человек при совершенном своем возрасте, и что сия наитончайшего устройства фигура по зарождении человека в утробе матерней от втекавших в нее разных стихийальных частиц со дня на день и до тех пор разжимается, покуда вся она до рождения и после рождения ими наполнится²⁰.

¹⁸ Болотов А.Т. Предполагаемые наугад происшествия на том свете и разговоры в мире духов у душ умерших людей между собою и Ангелами. 1823 г. (БАН. Рукописный отдел: Собрание Болотова. № 20. Л. 43).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

Влияние Юнга-Штиллинга, прежде всего его сочинения, известного в России как «Приключения по смерти», особенно явно проявилось в поздних сочинениях Болотова, оставшихся в рукописях диалогах «Старик со внуком, или Разговоры у старого человека с молодым его внуком»²¹ и «Предполагаемые наугад происшествия на том свете и разговоры в мире духов у душ умерших людей между собою и Ангелами»²², а также «О душах умерших людей»²³. Впрочем, Болотов достаточно критично относится к историям, описываемым Юнгом-Штиллингом, для него он «писатель, которому слепо верить и без основания упоминать о том, кажется, было не можно»²⁴. Тем не менее Болотов передает рассказы Юнга-Штиллинга об ангеле-хранителе в образе маленького ребенка, которого можно было видеть и с которым можно было разговаривать. Более того, он рассказывает собственную историю о своей встрече с ангелом-хранителем, хотя и сам не уверен полностью, что она произошла в реальности:

Случилось мне после обеда лечь по обыкновению моему отдохнуть на лежанку в моем кабинете. И в самой тот пункт времени, как глаза мои смыкались от наступающего сна, представилось мне и очень живо, что в головах у меня сбоку и сидел на воздухе прекрасной мальчик в беленьком легком одеянии, величине такой, каковою бывают шестилетние или семилетние дети, и смотрел на меня умильным и благоприятным образом. Видение сие было так живо и для меня поразительно, что я в ту же минуту очнулся и, не видя более ничего в том месте, не знал, чем оно почесть, наяву ли я то видел или в начинающемся сновидении. Но время было столь короткое, что сему некогда было составить. Словом, сие так меня поразило, что я не мог уже в тот раз никак заснуть и подумал, уж не ангел то был мой хранитель и не восхотел ли он мне на одну секунду показаться²⁵.

И это не единственная история, рассказанная Болотовым о встрече с посланцами из мира духов. Хотя он и сомневается в «совершенной достоверности» таких рассказов, но уверен, что

²¹ *Болотов А.Т.* Старик со внуком, или Разговоры у старого человека с молодым его внуком. Сочинение 84-летнего старика А. Б. в Дворянинове, 1822 (БАН. Рукописный отдел: Собрание Болотова. № 23–24).

²² *Болотов А.Т.* Предполагаемые наугад происшествия на том свете и разговоры в мире духов у душ умерших людей между собою и Ангелами.

²³ *Болотов А.Т.* О душах умерших людей / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т.В. Артемьевой. СПб.: Алетей, 2006.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Там же.

в «бессмертии душ наших и в существовании будущей иной жизни нам никак сомневаться не можно»²⁶.

В рукописном сочинении «Предполагаемые наугад происшествия на том свете и разговоры в мире духов» Болотов, так же, как и Юнг-Штиллинг, описывает мир духов, в категориях обыденных подробностей. Он помещает мир духов в «отдаленный и всем смертным неизвестный предел Вселенной»²⁷, по сути, это иное физическое (а не метафизическое) пространство. В одной из неопубликованных работ из серии «разговоров с внуком» Болотов высказывает предположение, «ипотезу», что души всех людей, как умерших, так еще нерожденных, были созданы Богом одновременно с сотворением мира и «находились уже в чреве первой нашей праматери Евы»²⁸. Болотов приводит моральный аргумент, предполагающий, что Бог не стал бы создавать «бастардов»²⁹, таковыми они становятся в процессе последовательного появления на свет и являются результатом человеческой деятельности, не всегда добродетельной. Таким образом, можно предположить, что и после смерти души не могут быть уничтожены прежде конца света и где-то дожидаются своей участи.

Болотов, как и Юнг-Штиллинг, описывает пространство, где души после смерти дожидаются Страшного Суда. Они попадают туда после предварительной «сортировки», ибо сохраняют личностные особенности и после смерти. Ангел объясняет герою болотовского повествования: «И как все силы и действия твоего разума и воли остались в тебе в таком же совершенстве и состоянии, в каком были они в жизнь твою и пред кончиной оной, то можешь ты употреблять действия сил сих таким же образом и здесь как в прежнюю жизнь свою, или несравненно еще с лутчим успехом»³⁰.

²⁶ Там же. С. 40.

²⁷ *Болотов А.Т.* Предполагаемые наугад происшествия на том свете и разговоры в мире духов у душ умерших людей между собою и Ангелами. Л. 2.

²⁸ *Болотов А.Т.* О происхождении человеческого рода и других важных обстоятельствах до него относящихся: Разговоры у старика с его внуком (ИРЛИ. Пушкинский Дом. Рукописный отдел: 1822 г. Ф. 537. № 23. Л. 6–6об.).

²⁹ «...Многие люди рождаются без установленного Богом бракосочетания, и от непотребных женщин, приживающих детей незаконным образом. И что при таких случаях, Богу никак неприлично содействовать созиданием новых тварей» (Там же. Л. 5–5об.).

³⁰ *Болотов А.Т.* Предполагаемые наугад происшествия на том свете и разговоры в мире духов у душ умерших людей между собою и Ангелами. Л. 6.

Души умерших ранее с интересом расспрашивают вновь прибывшего о новостях. Они сохраняют признаки возраста, пола и даже национальной идентичности. В царстве духов не только русские, «есть тут и немцы, и французы, и испанцы, и поляки, и англичане, и голландцы, и шведы, и греки, <...> и чухны и из разных других народов, которых и названия я не слыхивал, и всех их можно распознать по разности их платья»³¹.

Однако там нет турок, татар, китайцев, индейцев, «персиян» и «арапов», а также идолопоклонников: «пришельцы здесь из таких только стран и государств, где хотя разная, но все христианская вера»³². После смерти сохраняется даже «полупрозрачное подобие той одежды, в каковой тот человек наиболее в жизни своей хаживал»³³. В зависимости от степени добродетели в прежней жизни, одежды душ могут быть более или менее прозрачными, а также светлыми и темными. Естественно, светлое и прозрачное маркирует добродетель. При этом степень прозрачности соответствует прошлой жизни, а степень насыщенности светом – нынешней, в Царстве духов. Общаются души друг с другом на особом языке, хотя национальный язык также сохраняется для общения с «единоземцами».

«О душах умерших людей» также написано в виде диалога. Сама композиция сочинения дает возможность разбить проблему на отдельные «беседы», а внутри них – на «вопросы» и «ответы». Этот испытанный прием популяризации позволяет сделать текст понятным непрофессионалу, избежав при этом банальности.

Вопросы внука – «бессмертны ли души?»; «в каком образе, виде и состоянии они при смерти людей из тел их выходят?»; «куда они деваются?», «что с ними впоследствии?»³⁴ и т. д. – формулируют архетипические пневматологические проблемы. Болотов показывает, что доказательства бессмертия души лежат в разных плоскостях знания и основываются на «заклечениях ума», «откровении Божиим», «различных случаях, бывших в мире»³⁵. Он считает, что душа сохраняет «самобытный тот образ и фигуру»³⁶, которые человек имел в жизни, а она сама (или ее оболочка) представляет собой «эластичное», «эфирное», «тонкое» тело³⁷. Болотов верит, что душа способна перемещаться в пространстве с большой скоро-

³¹ Там же. Л. 80.

³² Там же. Л. 81.

³³ Там же. Л. 13.

³⁴ Болотов А.Т. О душах умерших людей. С. 32.

³⁵ Там же. С. 35.

³⁶ Там же. С. 43.

³⁷ Там же. С. 44.

стью. Увлечшись, он рисует фантастическую картину «космического путешествия» душ и поселения их «на каких-либо планетах или в ужасной и непостижимой для нас отдаленности за пределами всего мироздания»³⁸.

Для подтверждения своих предположений Болотов использует различные уровни аргументов, от метафизических и натурфилософских до вероисповедных. Так, например, обсуждая вопрос о том, могут ли души принимать участие в делах человеческих и сохранится ли у них способность к межличностному общению, он пишет:

...Все мы, последующие наидревнейшему греческому исповеданию христианской веры, воссылаем ко многим умершим уже давно святым угодникам и любимцам божеским моления наши и верим, что они сии моления наши слышат и по просьбам нашим Господа Бога об нас молят, и просим их, чтобы они молились об нас Всемогущему и оказали нам всякое какое им можно вспоможение. Но как бы нам сие делать, если б не уверены мы были, что они моления наши слышат и иные каким бы то образом ни было до сведения их доходят. И неужели древние святые отцы и наиглавнейшие церковные учителя, делавшие все до религии относящееся установления, и сами делали то же и нам предписали, без всякого основания и не будучи сами в том чем-нибудь удостоверены?³⁹

Болотов основывает спекулятивные предположения на вере в церковные догматы, то есть, по сути, никогда не ссылается на лично им полученное откровение и понимание таинств бытия. Болотов не эзотерик, но мыслитель, отважно осваивающий неизведанные пространства познания за пределами, доступными человеческому разуму и опыту. Особое внимание Болотов уделяет описанию того, как будет организована жизнь душ после их выхода из тел. По его мнению, они сохраняют ряд личностных качеств и способность общаться друг с другом. Однако они будут полностью лишены пороков, которые так осложняли их жизнь в земном мире.

Болотов не исключает, что новый мир будет населен только людьми. Животные, рыбы и даже растения могут не понадобится новым совершенным существам:

А если и будут какие неизвестных нам родов твари, то разве такие, которые по каким-нибудь отношениям могут когда бесполезными быть тогдашним обитателям Земли, так, по крайней мере, почему-нибудь

³⁸ Там же. С. 49.

³⁹ Там же. С. 50.

утешительны, как, например, птицы своим пением и своею разнообразностью и красотой своих перьев, звери, своими к ним ласками и услужливостью, а может быть, и самим повиновением, как то было в первые дни при Адаме в раю Едемском⁴⁰.

Изменится также и само строение мира. Так как новый мир будет освещен и согрет славой Господней, отпадет необходимость в солнечном свете, а также в сложной системе небесной механики. Земля станет плоской, ибо ей не нужно будет совершать сложное движение вокруг солнца:

...Нынешний наш земной шар обегает вокруг солнца единожды в год для произведения на поверхности оного известных годовых времен, весны, лета, осени и зимы и вокруг самого себя однажды в сутки оборачивается для того, чтобы все бока оного могли освещаемы и согреваемы быть лучами солнца и происходить оттого дни и ночи. Но как в Священном писании именно сказано, что обитатели нового святого града Иерусалима не будут иметь никакой нужды в солнце и что освещаемы они будут славой Господней и самим Господом нашим Иисусом Христом, и далее упомянуто, что не будет уж тогда ни дней, ни ночей, то из сего следует уже само собою, что земле не будет надобности быть шарообразной и помянутым образом кругом себя для произведения дней и ночей оборачиваться, ибо ни сих, и ни самого солнца уже не будет и дело обойдется и без оного, а слава или свет, происходящий от самого божеского существа, освещать будет все несравненно еще лучше и яснее, нежели Солнце, какое бы оно ни было⁴¹.

Все блаженные души станут горожанами – жителями Иерусалима, столицы священной империи, в которой будут и другие города, попроще, для менее совершенных существ. Облик города также изменится. В нем сохранятся дома и улицы, но не будет церкви, так как весь этот город будет представлять собой Божий храм. В будущей жизни останется возможность совершенствования, поэтому иерархия душ будет иметь подвижный характер.

Сохранится в будущей жизни и определенный тип семейных отношений, но не супружеских, а кровнородственных. Возможно, дети, умершие в младенчестве, будут иметь возможность общаться со своими родителями и прародителями. Одним из главных занятий блаженных душ станет процесс дальнейшего просвещения и познания:

⁴⁰ Там же. С. 149.

⁴¹ Там же. С. 146.

...Что касается до занятий умственных, или душевных, то состоять они могут в упоминаемом мною прежде рассматривании и узнавании всей тогдашней природы и устройства оной, а того паче в множайшем от часу познании всех божественных свойств и совершенств зиждителя мира, а особливо его непостижимой премудрости в устройении оного и управлении оным. Также в узнавании всего того, что относится до мира духов, до дел и упражнений самых Ангелов и других сил небесных. Узнаванием всего того могут они пользоваться при собеседовании с самими ими, или с знавшими то более, нежели они знаменитейшими блаженными»⁴².

Таким образом, реализуется идеал аксиологической эпистемологии, заключающийся в возможности познания как способа совершенствования. Еще в ранних работах – «Детской философии» и «Путеводителе к истинному человеческому счастью» – Болотов писал о том, что целью познания является не постижение истины, а достижение счастья, к чему и должен стремиться философ. В мире духовных сущностей познание, а это прежде всего познание Бога, также является залогом будущего блаженства.

Болотов описывает не только блаженства ушедших в мир иной душ, но и мучения, причиняемые душам их чувственными «желаниями и стремительствами»⁴³:

...Каково душам всех таковых людей по смерти будет, когда в них и прежние их мысли и вожеления ко всем тем вещам стремиться и, может быть, несравненно еще сильнее будут, а всех сих вещей и ни собак, ни лошадей, ни карт, ни строений, ни садов, ни денег, ни деревень, ни всего прочего на том свете уже не будет и всем сим вожелениям их насыщения себе и удовлетворения находить будет не в чем. Не станут ли тогда сии действующие, но ненасыщаемые вожеления и стремительства, производить в них не только неудобольствия, но и самые неприятнейшие и такие, например, ощущения, какия мы можем иметь в нынешней жизни при чувствовании смертельной жажды и не имея ничего, чем бы ее хоть несколько утолить было»⁴⁴.

Болотов полагает, что души могут общаться друг с другом, и обстоятельно описывает, как может происходить такое общение.

⁴² Там же. С. 173.

⁴³ Эти понятия имели категориальный статус в философском аппарате Болотова. Соотношению желаний, «стремительств» и мыслей посвящена его работа «Путеводитель к истинному человеческому счастью».

⁴⁴ Болотов А.Т. О душах умерших людей. С. 54.

Юнг-Штиллинг же уверен, что каждая душа будет пребывать в своем отдельном духовном коконе:

Здесь одинаковое чувственное ощущение и одинаковые впечатления внешних предметов на чувства соединяют всех людей, а там каждый живет в своем мире, какой создала ему его фантазия, до тех пор, пока судьба его не решится. Здесь живость, или степень жизни, зависит от живости чувственных орудий и степени самоощущения, а там от живости воображения и от степени упражнения в размышлении, в мысленности⁴⁵.

Отдельный вопрос, который обсуждают оба мыслителя заключается в том, каково будет простым, духовно неразвитым людям, или, по выражению Болотова, «в простоте и грубом невежестве живущему народу»⁴⁶. Болотов никогда не идеализировал «простого человека» и не считал невежество и необразованность нравственным преимуществом, хотя и признавал, «что и между ими много есть добрых, честных, праведных, против смиренных, благочестивых, набожных и добродетельных и таких людей, которые на свету у Бога в лучшем замечании находятся, нежели многие из нашей братии со всем их умом, просвещением и благонравием имеют быть. В простом народе таковых угоднейших пред нами Богу людей гораздо более, нежели мы думаем и предполагаем»⁴⁷. В этом пункте он расходится с Юнгом-Штиллингом, который весьма критически отзывается о «нашем философическом веке»⁴⁸. Он пишет:

Чем больше возрастает так называемое просвещение, тем более разум удаляется от истинного смысла Евангелия, ибо невозможно разуму истинно просвещаться иначе, как только небесным светом, чрез слово Божие, потому что сам он не есть источник истины: о духовных же сверхчувственных вещах должно и судить духовно, а не чувственно. Но к сему разум не может достигнуть, если сам сядет на престоле и захочет быть самодержцем»⁴⁹.

Особое внимание Болотов уделяет обсуждению вопроса о том, куда попадают души невинных, младенцев, не успевших согрешить

⁴⁵ Юнг-Штиллинг И.Г. Победная повесть, или Торжество веры христианской. С. 296.

⁴⁶ Болотов А.Т. О душах умерших людей. С. 59.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Юнг-Штиллинг И.Г. Победная повесть, или Торжество веры христианской. С. 55.

⁴⁹ Там же. С. 413.

или же проявить склонности к добродетели. Эта тема неоднократно рассматривалась в российской философской литературе. Так, например, В.А. Левшин в своем написанном в эпистолярном жанре эссе «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Г. Волтера на разрушение Лиссабона, писанное В. Лвшим к приятелю его Господину З***» анализирует смерть десятков тысяч людей в результате разрушительного лиссабонского землетрясения 1755 года и пишет о том, что для безгрешных младенцев и добродетельных душ мучительная смерть была залогом награды в Царствии небесном и в определенном смысле явилась для них благом⁵⁰. Болотов рассматривает этот вопрос гораздо подробнее. Он пишет о мнении, которое полагает «значительнейшим» и «более имовренности имеющим», предполагающем, что младенческие души не уничтожаются, а помещаются «в особенное, провидением Господним назначенное для них место, в котором они ни страданий, ни отличного удовольствия не имеют, а находятся в состоянии некоторого рода спокойствия»⁵¹. Там они «ангелами обучаются употреблять развертывавшиеся постепенно силы ума и воли их на то, к чему дальнейшее существование и в вечности предназначено»⁵². Это описание очень похоже на описание «Царства Детского», неоднократно упоминающегося Юнгом-Штиллингом в его книге «Приключения по смерти». Возможно, именно его мнение Болотов и имел в виду, хотя и не сослался прямо на этого автора.

В главе «О последних временах света» Болотов, по сути, излагает конспирологическую теорию Юнга-Штиллинга, подробно изложенную в сочинении «Победная повесть, или Торжество веры христианской», а также «Прибавлении» к этому сочинению. На основании толкования Апокалипсиса, под влиянием революционных событий во Франции у Юнга-Штиллинга возникла мысль о скором конце мира и установлении тысячелетнего царства, которое, как он полагал, наступит около 1836 г.⁵³ Юнг-Штиллинг

⁵⁰ *Левшин В.А.* Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Г. Волтера на разрушение Лиссабона, писанное В. Лвшим к приятелю его Господину З***. Мысли о душе. Русская метафизика XVIII в. / Подгот. текстов, вступ. ст. Т.В. Артемьевой. СПб.: Наука, 1996. С. 220–254.

⁵¹ *Болотов А.Т.* О душах умерших людей. С. 69.

⁵² Там же. С. 68.

⁵³ Правда, Юнг-Штиллинг не уверен в таких расчетах и пишет, что *«следует остерегаться, что б не определить точно и, наверное, дня и часа, месяца и года, когда то или другое обстоятельство случится, или когда пришествия Господа последовать должно. Мы можем узнавать времена только около настоящего, и разность может быть в 10 и 20 годах»* (*Юнг-Штиллинг И.Г.* Победная повесть, или Торжество веры христианской. С. 357).

использовал нумерологическую теорию лютеранского библеиста Иоганна Альбрехта Бенгеля (1687–1752) [Богданов 2015, с. 21]. Собственно, на Бенгеля, а не на Юнга-Штиллинга и ссылается Болотов. Но следует отметить, что с подробным изложением бенгелевской нумерологической концепции он мог ознакомиться как из текста самой «Победной песни» с «Прибавлением», написанным Юнгом-Штиллингом в 1804 г. и опубликованным Лопухиным в той же книге, так и из подробного предисловия Лопухина, которым тот предварил свой перевод «Победной повести». Лопухин пишет, что он не только сократил оригинальное сочинение Юнга-Штиллинга, но и несколько переструктурировал его, а также снабдил собственными комментариями, актуализировавшими текст для российского читателя, каковым наверняка был и Болотов. Впрочем, Болотов, который хорошо знал немецкий язык, теоретически мог ознакомиться и с оригинальным сочинением Бенгеля. Во всяком случае, в «Душах умерших людей» Болотов говорит именно о 1836 годе, как начале тысячелетия «Христово царствия на земли»⁵⁴.

Сочинения Болотова выходят за рамки традиционных метафизических размышлений, предполагающих рациональное исследование законов бытия, познания и природы человека. Мыслитель испытывал потребность не столько в создании непротиворечивой философской системы, сколько в выработке собственного взгляда на «основные вопросы» и использование философских достижений для формирования реальных жизненных ориентаций. Он рассуждает о сложных проблемах с позиции человека, умудренного жизнью и полагающегося на собственный здравый смысл, но вместе с тем осведомленного о мнении философских авторитетов. Юнг-Штилинг описывал явления «того» мира в понятиях и категориях «этого», собственно, именно это и пытался делать сам Болотов, когда создавал свои философские тексты, где он разрешал сложные метафизические проблемы языком обыденных примеров и сравнений. В стихотворении «О неверии бессмертию душ» он пишет:

О вы! имевшие несчастье с такими в свете жить людьми,
Которые тому не верят, что будем мы по смерти жить,

Но всякого хотят уверить, что мы издохнем, как скоты,
И уничтожимся навеки, преобравшись в прах земной.

...

А вам не лучше ли держаться сообщества всех таковых
И вместе с ними твердо верить, что смерть не уничтожит нас,

⁵⁴ Болотов А.Т. О душах умерших людей. С. 105.

Но что мы и по смерти будем не только жить, как и теперь,
Но жить еще весьма счастливей, когда похочем только мы.

К тому себя поприготовить, покуда мы еще живем,
Употребя к тому те средства, какие Бог преподал нам⁵⁵.

Грозные предупреждения немецкого эзотерика Болотов обратил в философские размышления и доброжелательные советы. Так в плавильной печи соединяются металлы, добытые из недр суровой природы, и превращаются в предметы, радующие глаз и необходимые в повседневной жизни.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00175.

Acknowledgements

The present study was funded by RFBR, project number 20–011–00175.

Литература

- Богданов 2015 – *Богданов К.А.* И.Г. Юнг-Штиллинг в России: религиозный интернационал, духовная география и миражи конспирологии // *Русская литература*. 2015. № 4. С. 14–27.
- Вайскопф 1993 – *Вайскопф М.Я.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: ТОО «Радикс», [1993]. 588 с.
- Виницкий 1998 – *Виницкий И.Ю.* Нечто о привидениях: истории о русской литературной мифологии XIX в. М.: Изд-во Московского культурологического лица, 1998. 319 с.
- Гаврюшин 2010 – *Гаврюшин Н.К.* Два пути разумной веры: И.Г. Юнг-Штиллинг и Ф.М. Клингер // *Гаврюшин Н.К. Этюды о разумной вере*. Минск: Белорусский Экзархат, 2010. С. 88–114.
- Гумерова 2018 – *Гумерова А.Л.* «Победная повесть, или Торжество веры христианской» И.Г. Юнга-Штиллинга как возможный источник «Великого инквизитора» // *Достоевский и мировая культура*. 2018. № 3. С. 143–160.
- Флоровский 2009 – *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия / Отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 848 с.
- Христиан Вольф и русское вольфианство 1998 – *Философский век: альманах*. Вып. 03: Христиан Вольф и русское вольфианство / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: СПб. Центр истории идей, 1998. 393 с.
- Христиан Вольф и философия в России 2001 – *Христиан Вольф и философия в России* / Рук. проекта А.В. Панибратцев; ред.-сост. В.А. Жучков. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 400 с.

⁵⁵ Там же. С. 179.

Чижевский 2002 – *Чижевский Д.И.* Неизвестный Гоголь // Трудный путь: зарубежная Россия и Гоголь. М.: Русский мир, 2002. С. 206–208.

References

- Artemyeva, T.V. and Mikeshein, M.I. (ed.) (1998), *Filosofskii vek: al'manakh. Vyp. 03: Khristian Vol'f i russkoe vol'fianstvo* [The philosophical age. Almanac 3. Christian Wolff and his Russian followers'], Tsentr istorii idei, Saint-Petersburg, Russia.
- Bogdanov, K.A. (2015), "I.G. Yung-Stilling in Russia: religious international, spiritual geography, and mirages of conspiracy", *Russkaya literature*, no. 4, pp. 14–27.
- Chizhevskii, D.I. (2002), "Unknown Gogol'", in *Trudnyi put': zarubezhnaya Rossiya i Gogol'* [The hard way: foreign Russia and Gogol], Russkii mir, Moscow, Russia, pp. 206–208.
- Florovskii, G.V. (2009), *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology], Institut russkoi tsivilizatsii, Moscow, Russia.
- Gavryushin, N.K. (2010), "Two ways of intelligent faith: I.G. Yung-Shtilling and F.M. Klinger", in Gavryushin N.K. *Etyudy o razumnoi vere* [Essays on reasonable faith], Belorusskii Ekzarkhat, Minsk, Belarus, pp. 88–114.
- Gumerova, A.L. (2018), "The Victorious Narrative, or The Triumph of the Christian Faith" by J.G. Jung-Stilling as a possible source for 'The Grand Inquisitor', *Dostoevskii i mirovaya kul'tura*, vol 3, pp. 143–160.
- Vaiskopf, M.Ja. (1993), *Syuzhet Gogolya: Morfologiya. Ideologiya. Kontekst* [Gogol's plot: Morphology. Ideology. Context], TOO "Radiks", Moscow, Russia.
- Vinickii, I.Yu. (1998), *Nechto o privideniyakh: istorii o russkoi literaturnoi mifologii XIX veka* [Something about ghosts: stories of 19th century Russian literary mythology], Izdatel'stvo Moskovskogo kul'turologicheskogo litseya, Moscow, Russia.
- Zhuchkov, V.A. (ed.) (2001), *Hristian Vol'f i filosofija v Rossii* [Christian Wolff and philosophy in Russia], Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Татьяна В. Артемьева, доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48; tatart@mail.ru

Information about the author

Tatiana V. Artemyeva, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Herzen University, Saint Petersburg; bld. 48, Emb. Moiki, Saint Petersburg, Russia, 191186; tatart@mail.ru